

На пути к теоретической конфликтологии

©1993 г.

А.Г. ЗДРАВОМЫСЛОВ

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ КОНФЛИКТА И ДИНАМИКА МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

ЗДРАВОМЫСЛОВ Андрей Григорьевич — доктор философских наук, руководитель программы «Социология конфликта» (Российский независимый институт социальных и национальных проблем). Наш постоянный автор.

Социологический анализ конфликта предполагает разработку соответствующей проблематики на трех уровнях. Прежде всего речь идет о вопросах фундаментальной теории, которые в той или иной мере прорабатываются в мировой социологической литературе с конца 50-х годов. Во-вторых, особого внимания заслуживает подход, связанный с так называемыми теориями среднего уровня. В-третьих, теоретические разработки разного масштаба необходимо соединять с эмпирическим изучением развертывающихся конфликтных ситуаций. Именно в этом ключе соединения обозначенных выше уровней и обеспечения их взаимодействия разрабатывается и осуществляется в настоящее время Программа «Социология конфликта», принятая на основе конкурса дирекцией Российского независимого института социальных и национальных проблем в ноябре 1991 г.

* * *

Остановимся прежде всего на вопросах фундаментального характера. Перечень этих вопросов можно было бы выстроить следующим образом:

— понимание конфликта как нормы отношений между людьми, как своего рода клетки социальной жизни, в которой наиболее отчетливо проявляется социальная напряженность, накапливается энергия деятельности, порождающая социальные изменения и сдвиги разного масштаба;

— выявление глубинных причин конфликтов, заключающихся в противостоянии различных потребностей, интересов и ценностей конкретных субъектов социального действия;

— выбор средств регулирования конфликтов;

— выявление источников возникновения деструктивных конфликтов, сопряженных с применением насилия;

— возникновение тупиковых ситуаций, выход из которых предполагает радикальное переосмысление интересов каждой из сторон, участвующей в конфликте;

— выявление способов институционализации конфликтов, изучение возмож-

ностей создания политической среды, содействующей нормальному выходу из конфликтных ситуаций и предотвращению эскалации насильственных конфликтов;

— осмысление взаимопереходов от макро- к микроуровню и обратно в развертывании конфликтов и уяснение роли личностного компонента в их развитии.

Вопрос о конфликте как норме социальных отношений был обстоятельно проанализирован в работах Л. Козера, Р. Дарендорфа, Л. Крисберга и других представителей того направления в социологии, которое получило название социологии конфликта¹.

Так, Р. Дарендорф противопоставляет свой подход парсонсианской парадигме, которая была положена в основу методологии структурно-функционального анализа. Сопоставим исходные постулаты теории равновесия социальной системы, предложенной Т. Парсонсом, и социологии конфликта в варианте Р. Дарендорфа:

Т. Парсонс

1. Каждое общество — относительно устойчивая и стабильная структура.
2. Каждое общество — хорошо интегрированная структура.
3. Каждый элемент общества имеет определенную функцию, т. е. вкладывает нечто в поддержание устойчивости системы.
4. Функционирование социальной структуры основывается на ценностном консенсусе членов общества, обеспечивающем стабильность и интеграцию.

Р. Дарендорф

1. Каждое общество изменяется в каждой своей точке, социальные изменения вездесущи.
2. Каждое общество в каждой своей точке пронизано рассогласованием и конфликтом; социальный конфликт — вездесущ.
3. Каждый элемент в обществе вносит свой вклад в его дезинтеграцию и изменение.
4. Каждое общество основано на том, что одни члены общества принуждают к подчинению других.

Дарендорф не считает, что одна позиция является более верной в сравнении с другой. Строго говоря, обе предложенные модели «валидны», полезны и необходимы для социологического анализа². Они различаются тем, что первая делает акцент на сотрудничестве и интеграции, а вторая на конфликте и изменении. Но оба компонента взаимодействия — сотрудничество и конфликт — постоянно присутствуют в общественной жизни в тех или иных сочетаниях.

С точки зрения фундаментальной теории, одна из наиболее важных проблем заключается в уяснении природы конфликта. Существует большое искушение рассматривать конфликт как проявление и обнаружение объективных противоречий. Благодаря этому как бы декларируется верность принципам диалектики, которая исходит из признания противоречий в качестве движущей силы исторического процесса. Однако в большинстве случаев речь идет лишь о декларативной верности принципам, поскольку отождествление противоречий и конфликтов уводит исследователя от постановки задач социологического анализа реальных конфликтов, растворяет частное в общих понятиях.

Для понимания природы конфликта недостаточно, следовательно, указания на его связь с социальными противоречиями. В догматизированной версии марксизма, выполнявшей функции официальной идеологической доктрины, признавалось наличие противоречий в советском обществе преимущественно неантагонистических, но до признания конфликтов, тем более социальных, дело не доходило. О характере противоречий, о том, какое противоречие нужно было считать основным или главным, велась многократно возобновлявшаяся дискуссия. При этом во всех дискуссиях противоречия формулировались в предельно абстрактной и обезличенной форме: между производством и потреблением; производительными силами и производственными отношениями; между производительными силами и отдельными сторонами производственных отношений; между «новым» и «старым». Основная методологическая установка состояла в том, чтобы

подчеркнуть значение единства сторон, целостности социально-политической системы. Некоторые авторы всерьез рассуждали о том, что при социализме, в отличие от капитализма, единство противоположностей, а не противоречие, является движущей силой развития общества. Мышление в этих категориях не давало возможности перейти к конкретному анализу социальных процессов, к поведению социальных групп и лиц, решающих те или иные вполне конкретные жизненные задачи.

В современной социологической литературе вопрос о связи между противоречием и конфликтом рассматривается известным английским социологом Энтони Гидденсом. «Под конфликтом, — пишет он, — я имею в виду реальную борьбу между действующими людьми или группами независимо от того, каковы истоки этой борьбы, ее способы и средства, мобилизуемые каждой из сторон. В отличие от конфликта понятие противоречия относится к некоторой структуре. Оба эти понятия весьма близки между собой, т. к. противоречие выражает уязвимое место, слабое звено в конструкции социетальной системы.

Вместе с тем противоречие указывает на разделение интересов между различными группами и категориями людей, в том числе и между классами³. Гидденс далее подчеркивает, что социальные противоречия связаны с различиями в образе жизни людей, принадлежащих к разным социальным группам, и неравенством их жизненных шансов, которые в свою очередь определенным образом влияют на формирование картины мира. Но противоречия далеко не всегда влекут за собой конфликты. Для превращения противоречий в конфликты необходимо осознание противоположности интересов и соответствующая мотивация поведения. Пока противоположность интересов не осознана, конфликт, как полагает Гидденс, еще не наступает.

Несколько иной ракурс проблемы конфликта выявляется при попытках вывести социальную напряженность из уровня удовлетворения базовых потребностей людей и социальных групп. Именно такой подход к проблеме демонстрирует Питирим Сорокин при выяснении вопроса о причинах социальных конфликтов и революций. «Непосредственной предпосылкой всякой революции, — пишет он, — всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения.

Если пищеварительный рефлекс доброй части населения "подавляется" голодом, то налицо одна из причин восстаний и революций; если подавляется инстинкт самосохранения деспотическими экзекуциями, массовыми убийствами, кровавыми зверствами, то налицо другая причина революций... Если "подавляется" собственнический инстинкт масс, господствует бедность и лишения, и в особенности, если это происходит на фоне благоденствия других, то мы имеем еще одну причину революций⁴. Среди подавленных инстинктов, потребностей и рефлексов, которые вызывают социальное напряжение, взрыв и конфликт, П. Сорокин выявляет, помимо перечисленных выше, потребности коллективного самосохранения (семьи, религиозной секты, партии), потребность в жилище и одежде, половой рефлекс, инстинкт самовыражения и интерес к соревновательности, творческой работе, приобретению разнообразного опыта, потребность в свободе.

Как видим, указание на связь потребностей и конфликтов, рассмотрение источника конфликтов в подавлении базовых потребностей человека, без удовлетворения которых он не может существовать, позволит гораздо ближе подойти к анализу социальных конфликтов.

Следующий шаг по пути конкретизации конфликтов связан с разработкой вопросов социального равенства и неравенства. Положение людей и соответствующий ему уровень социальных притязаний определяются не вечными инстинктами, а сопоставлением с другими людьми. То, что является причинным уровнем жизни для одних людей, другими может рассматриваться как бедность и

нищета. Важны не сами по себе потребности, но и средства их удовлетворения, доступ к соответствующим видам деятельности, который обусловлен социальной организацией общества. Именно в этой связи встает вопрос не только о равенстве и неравенстве в уровне благосостояния, но и о сопоставлении жизненных шансов различных социальных групп. Как показал опыт советского общества, само по себе стремление к всеобщему равенству не может рассматриваться в качестве блага; оно часто приводит к уравнительности, к угасанию стимулов творческой деятельности и инициативы. Неравенство, в том числе и социальное, неустранимо. Более того, оно имеет положительное значение для общества в целом, т. к. оказывается важнейшим источником состязательности, конфликтности, стимулирующим жизненную энергию человека. Неравенство, как и социальный конфликт, содействует мобилизации жизненной энергии, влечет за собой необходимость социальных изменений, в том числе и в организации общественной жизни. Применительно к социальному конфликту неравенство социальных положений означает неодинаковый доступ к ресурсам развития индивидов, социальных групп или сообществ людей. Поэтому в определение природы конфликта включается и проблема ресурсов как средств достижения социальных целей.

Однако здесь возникает центральный вопрос, на который указывает Р. Дарендорф. Кто и каким образом распоряжается ресурсами? Иными словами, в чьих руках находится власть? Этот вопрос безусловно связан с определением самой власти, которая представляет собой совокупность социальных позиций, позволяющих одной группе людей распоряжаться деятельностью других групп людей. Именно здесь заложен центральный конфликт в любой системе общественных отношений. Люди делятся между собою не на богатых и бедных, не на образованных или необразованных, не на тех, кто обладает недвижимостью и тех, кто живет на зарплату, а на тех, кто участвует во власти и кто не участвует в ней. Точнее, все названные деления существуют и имеют определенное значение, в том числе и для формирования конфликтов, но в сравнении с признаком участия или неучастия во власти иные признаки имеют второстепенное или третьестепенное значение.

Помимо трех названных подходов к объяснению социальных конфликтов существует и четвертый, который может быть охарактеризован как нормативно-ценностный. Согласно этой точке зрения, которая идет от Э. Дюркгейма и Т. Парсонса, несовпадение целей и интересов людей или соответствующих групп есть главная причина конфликтов⁵.

Все выделенные выше позиции (помимо первой) имеют в своем основании некий общий фундаментальный теоретический вопрос: о природе интереса и о способе его осознания действующим субъектом.

Ныне в российском обществе доминирует социальная нестабильность. Кризисное состояние общества сопряжено с разрушением общественных связей и с диффузным характером социальных интересов. Возникает такая ситуация, когда на первый план выдвигается не «выражение» интересов, как якобы неких объективно заданных параметров, определяемых социальным положением субъекта, а полагание интересов, связанных с их декларированием и отстаиванием в конфликте. Сами реформы и социально-политические преобразования в России для многих людей означают необходимость переосмысления интересов, нахождения новых точек опоры как в жизненной философии, так и в практических формах социального поведения. Это справедливо не только применительно к отдельным индивидам и личностям, но и к социальным группам, институтам, странам и государствам⁶.

За недостатком места мы не будем сейчас касаться иных вопросов фундаментального характера. Подчеркнем лишь еще раз, что важнейшим средством выхода из кризиса и преодоления насильственных конфликтов остается совре-

менная рациональная политика, учитывающая при декларации и формировании проводимых в жизнь интересов реакцию противоположной стороны в конфликте. Социология конфликта, следовательно, органически связана с признанием дискурсивного характера теоретического знания и переходом к «рефлексирующей политике», суть которой не в силовой аргументации, а в превентивном учете интересов противоположной стороны. Именно в силу этого обстоятельства она может восприниматься традиционалистами, которые исходят из прежних представлений о взаимосвязи «окостеневших» интересов и государственных структур, как «предательская политика», руководствующаяся интересами противника, врага или оппонента. При этом, разумеется, не принимается во внимание тонкость разграничения употребляемых здесь понятий: «руководствоваться» интересами или «принимать их во внимание».

В рамках теории среднего уровня Программа исходит из того, что первостепенными и наиболее значимыми конфликтами, разворачивающимися в пространстве России и СНГ, оказываются три: политический, социальный и национально-этнический. Обособленное рассмотрение этих трех форм конфликта позволяет констатировать, что они разворачиваются по поводу ценностей, имеющих различную природу. Политический конфликт — конфликт по поводу власти, доминирования, влияния, авторитета. Социальный конфликт — в узком смысле слова — конфликт по поводу средств жизнеобеспечения: уровня заработной платы, использования профессионального и интеллектуального потенциала, уровня цен на различные блага, по поводу реального доступа к этим благам и иным ресурсам.

В социальной политике западных государств в поле зрения правящих структур постоянно находится традиционный конфликт между двумя подсистемами социального целого: системой благосостояния и системой труда. Действующими лицами в этом конфликте выступают профсоюзы и предприниматели. Каждая из сторон формирует свои группы давления на правительство, которое принимает соответствующие решения не без учета интересов сторон. При этом концепция социального государства, защищающего интересы неприбыльных сфер — науки, культуры, образования, здравоохранения — не противоречит концепции рыночных отношений, действующих в области чистой экономики.

Предметом столкновения и конфликта в третьей области являются права и интересы этнических и национальных групп. Часто эти конфликты связаны со статусными и территориальными притязаниями. Суверенитет народа или этнической группы оказывается в данном случае доминирующей идеей в конфликте.

Суть вопроса, однако, в том, что рядоположенное рассмотрение всех названных выше форм конфликта не дает ключа к их пониманию. Их можно понять только как взаимопроникающие конфликты, как такие столкновения, где каждый из них составляет питательную среду для других. Две волны шахтерских забастовок, потрясших страну в 1989 и 1991 гг. показывают, как именно социальный конфликт превращается в политический. Наблюдатели и исследователи шахтерских забастовок отмечают, что во многих случаях ситуация искусственно обострялась и «раскачивалась» в связи с политическими интересами.

В еще большей мере доминирующая роль политики сказалась в национально-этнических конфликтах. Несомненно, что динамика этноконфликтов во многом предопределялась и предопределяется тем, насколько сильны притязания на власть новых элит, выросших в рамках старых структур и отторгнутых как от участия во власти, так и в культурном самоопределении соответствующих национальных общностей. Местная этнократия, поддерживаемая центром, не

подпускала к процессу принятия решений представителей новой элиты, благодаря чему они вынуждены были облекать свои притязания на власть в форму национально-этнических или националистических интересов. Процесс реформирования отношений благодаря этому пошел не по пути обновления кадрового состава в рамках прежней структуры и постепенного обновления институциональной структуры общества (английский вариант реформ), а по пути слома самих структур, с огромным упором на необходимость смены символики прежнего времени (российский вариант преобразований). Борьба за изменение символики сопряжена с традиционной идеологизацией российского общества и российской политической культуры, но она вместе с тем выполняет роль выпускного клапана, переключая внимание общественности на формально-идеологические аспекты преобразований в противоположность содержательным. Разработка проблематики конфликта на уровне специальных социологических теорий позволяет прийти к выводу относительно доминирования политического конфликта во всех разворачивающихся ныне конфликтных ситуациях. Практическое следствие, вытекающее отсюда, состоит в необходимости рационализации политики, повышения политической культуры новой политической элиты. Естественно, это предполагает более глубокое и развернутое понимание функций, задач, возможностей политических институтов, властных структур различного рода, механизма представительства интересов, делегирования полномочий, соотношения обязанностей выборных органов и их аппарата, правил и норм парламентской деятельности, способов ведения переговоров, благодаря которым разрешаются или регулируются возникшие конфликты. Особое значение в нынешней политической практике приобретают средства массовой информации: освещение событий в том или другом плане может содействовать либо провоцированию, либо урегулированию конфликтных ситуаций.

Третий уровень исследований, о котором мы говорили в самом начале, эмпирический. В перспективе это направление исследований могло бы привести к построению системы отслеживания индикаторов всех трех форм конфликтов, что в свою очередь было бы весьма важно как для теоретических разработок, так и для практического политического знания.

В разрабатываемой системе эмпирических показателей социальной напряженности и конфликтности обратим внимание на некоторые просматриваемые тенденции.

1. Уровень поддержки правительства на всем протяжении 1992 г. был невысоким. Только 10—12% населения выражало по данным опросов Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП) твердую поддержку правительству. Твердая оппозиция правительству была в два раза весомее и составляла 20—25%. Однако большинство населения не желало занимать ни позицию поддержки, ни позицию противостояния. Полярные конфликтные группы оказались разведены достаточно плотной прослойкой нейтральной части населения, для которого характерной стала не просто позиция выжидания, а позиция отстраненности при деполитизации. Такова общая конфигурация напряженности, на фоне которой разворачивается конфликт между президентской властью и правительством реформ, с одной стороны, и представительной властью в лице Верховного Совета — с другой. При этом выявляется, что чем острее конфликт в высших эшелонах власти, тем меньше ее способность к разрешению конфликтов, возникающих в самом обществе. Более того, борьба за распределение полномочий в высших эшелонах власти становится стимулом социальных и национально-этнических конфликтов, что означает деформацию власти, невозможность выполнения ею регулирующих функций.

Самооценка использования новых возможностей, %*

Варианты	Ответ		
	положительный	отрицательный	неопределенный (или отказ от ответа)
Стать предпринимателем, пустить деньги в оборот и получить прибыль	8	19	13
Стать собственником, акционером, пайщиком кооператива	10	78	12
Найти новые источники дохода и улучшить свое материальное положение	18	64	18
Получить заработок, вполне адекватный прилагаемым усилиям и квалификации	19	59	22
Избавиться от постоянного чувства зависимости от начальства	23	50	27
Завязать новые связи и отношения, которые будут полезны	26	57	17
Получить участок земли, с использованием которого можно обеспечить себя самого и семью	32	51	17

* Данные РНИСиНП (в 10 регионах России в 1992 г. опрошено 1 200 человек).

2. В середине 1992 г. от 8% до 32% населения уже включались в новые формы жизни (таблица).

В целом это включение в новые отношения — безусловно стабилизирующий процесс. Можно предположить, что ситуация в обществе существенно изменится, когда доля ответивших положительно будет больше доли ответивших отрицательно. Но увеличение этого слоя будет означать возникновение конфликтов нового типа. Прежние или нынешние конфликтные ситуации, окрашенные в идеологические тона, будут все в большей мере терять свое значение. Вместе с тем сами новые формы жизни будут способствовать более резкой поляризации населения в имущественном отношении. В России уже появляются новые бедные наряду с новыми богатыми. Но несмотря на это, ось имущественной дифференциации, как мы предполагаем, не станет выполнять функции классообразующего признака. Еще длительное время более важной в социальном плане будет дифференциация среди новых богатых. Одна их часть будет представлять промышленный, созидательный и конструктивный слой, другая — спекулятивный и паразитический элемент в самом процессе становления новых общественных отношений.

На первом этапе осуществления реформ экономическая и правовая обстановка складывалась таким образом, что именно вторая группа оказалась в более благоприятных условиях. По мнению экспертов, в 1991—1992 гг. при нулевом стартовом капитале можно было сделаться миллионером за несколько недель путем перекупки и перепродажи товаров массового спроса — сигарет, водки, некоторых продуктов питания. Тем более широкие возможности мгновенно разбогатеть представляют нелегальные и полуполигальные виды бизнеса: торговля оружием, порнографическими изданиями, организация проституции. Выход на поверхность именно этих видов коммерции меняет социальный облик крупных городов, порождая в них острую криминогенную обстановку.

3. Из того факта, что правительство не пользуется кредитом доверия со стороны большинства населения, необходимо сделать некоторые выводы практического характера не только в целях углубления реформ, но и в целях предотвращения разрухи. Экономическая политика правительства должна быть в большей мере социально ориентированной не только в смысле поддержки

новых бедных слоев, но и дифференцированного отношения к новым богатым. Налоговая политика, система кредитования должны создавать благоприятные условия для инвестиций в социально полезные отрасли экономики, должна проводиться современной протекционистской политикой, что в свою очередь связано с трактовкой национальных интересов.

4. Со времени действительного начала реформ рейтинг всех политических структур и политических деятелей резко пошел вниз. Это естественно, т. к. непопулярная политика не может вести к повышению рейтинга. Нельзя повышать цены на продовольствие и рассчитывать на популярность. Следствием непопулярной политики оказывается политическая нестабильность, расширяющая зону политического конфликта и создающего массу новых точек напряженности.

Эти точки весьма часто соединяются с попытками противостоящих в политике сторон переложить ответственность за сложившееся положение дел на своих политических оппонентов и противников. Однако в сознании большинства населения основная тяжесть ответственности возлагается на те общественные силы, которые находятся у власти в данный момент. Кредит доверия, предоставляемый власти в ходе избирательной кампании или референдума, как показывают опросы, весьма недолговечен. Массовое сознание очень плохо воспринимает объяснения исторического характера. Настаивание на этих объяснениях лишь углубляет конфликт. Необходимым средством политической, а затем и экономической стабилизации является постоянный диалог с большинством, который должен стимулировать коррекцию реформ в действиях правящих структур, с одной стороны, и преодоление позиции безразличия к действиям политической власти в массовом сознании, с другой стороны. В этом и состоит смысл предлагаемой стратегии рефлексивной политики. Правящие структуры не должны смешивать такие вещи, как терпение населения и поддержка правительственного курса. Стратегия правительства, опирающегося на поддержку меньшинства, очевидно, должна отличаться от стратегии, поддерживаемой большинством. Только при этом условии возможна модификация конфликта. Непонимание охарактеризованной выше общей конфигурации социальной напряженности, доктринерский подход к программе реформ, отказ от практики постоянной коммуникации политических лидеров с массовым сознанием — все это оказывается источниками формирования тупиковой ситуации.

Истоки ее, с нашей точки зрения, следует искать не в событиях 70-летней давности, но в весьма ослабленной способности к рациональному политическому действию ныне существующих властных структур, в непонимании специфических особенностей политических и идейных интересов в сложившейся социально-политической ситуации¹.

Анализ конфликтной ситуации, переживаемой обществом в 1992 г. позволяет сформулировать выводы прогностического характера, связанные с перспективами развития кризиса 1. Как нам представляется, возможны следующие варианты развития событий.

Первый из них состоит в том, что предел терпения населения иссякнет, т. к. экономическое положение большей части ухудшается весьма быстрыми темпами. Рост доходов не успевает за ростом цен, все большее число семей еле сводят концы с концами, надвигается угроза безработицы, возникают перебои в снабжении продовольствием в городах. В такой обстановке нельзя исключить возможности вспышки в любой из точек социальной напряженности. Например, несвоевременный завоз продуктов, стычки в очереди могут привести к массовым погромам магазинов и продовольственных складов, административных центров. При попытках обуздать толпу может пролиться кровь. На этом фоне вполне возможно завершение демократической фразеологии и утверждение режима твердой власти в персонифицированном или олигархическом подвариантах.

Второй вариант — сейчас он отчетливо просматривается — состоит в том, что население будет находить все новые и новые способы приспособления к общей ухудшающейся ситуации. Наряду с разрушением производственных, экономических и социальных структур и связей, с возрастанием сепаратизма, анархии и неуправляемости во всех сферах общественной жизни будет интенсивно происходить включение механизмов самообеспечения и ухода в частную жизнь.

С одной стороны, люди будут самостоятельно на дачных и приусадебных участках обеспечивать себя продовольственными запасами и сводить концы с концами. Но это будет означать вместе с тем стагнацию политической и экономической жизни, депрофессионализацию общества и десоциализацию личности. Это реальная почва для роста преступности и аморализма, которые также в конечном счете ведут к обоснованию применения насилия в особенности в регионах с резко обострившимися национально-этническими конфликтами.

Третий вариант развития событий связан с тем, что верх в обществе одержат силы оздоровления, нацеленные на создание рыночных структур и рыночной экономики, которая при определенных условиях может преодолеть точку спада производства продовольственных и энергетических ресурсов и сделать первые шаги, направленные на рост благосостояния. Иными словами, правительство реформ сумеет провести свою линию. При этом экономика пройдет несколько фаз, часть из которых связана с катаклизмами, которые будут порождаться структурной перестройкой народного хозяйства. По свидетельству экспертов, социальный и экономический кризис не дошел еще до самой низкой точки. Однако все более проблематичным становится доверие к обещаниям правящих структур относительно того, что эту точку удастся миновать в 1993 г. Решающий момент заключается в том, что произойдет раньше: закончится спад производства или же у людей иссякнет терпение. Если на достижение перелома потребуются не менее двух десятилетий, как об этом заявляют некоторые из экспертов правительственных кругов, то силовое противостояние становится более вероятным: ни одно общество не сможет выдержать такой срок стагнации. Весьма слабая легитимная основа политической власти в российском обществе и нынешний кризис власти, существенные изменения, происшедшие в самом обществе после августовских событий 1991 г., представляют собой общий фон социальной напряженности, который будет постоянно воспроизводить тупиковые ситуации до тех пор, пока не будут найдены новые параметры взаимодействия экономических и политических интересов. Поиск согласия в высших эшелонах власти на основе компромисса в трактовке реформ — минимальное условие стабилизации. Более прочные рамки политической стабильности связаны с включением электората как субъекта действия и с принятием Конституции России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Coser L.A.* The functions of social conflict. New York, 1956; *Kriesberg L.* Social conflicts. Prentice—Hall, 1982; *Burton J., Dukes F.* Conflict: Practices in management, settlement and resolution. New York, 1990.

² *Dahrendorf R.* Class and class conflict in industrial society. 1959. P. 161—163.

³ *Guldens A.* The constitution of society. Cambridge: Polity Press, 1989. P. 198—199.

⁴ *Сорокин Питуризм.* Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. С. 272—273.

⁵ См., например, у Л. Крисберга: «Социальный конфликт существует в том случае, когда две или большее количество сторон убеждены в том, что цели их деятельности несовместимы» (*Kriesberg L.* Social Conflicts. Prentice—Hall, 2-nd. 1982. P. 17.)

⁶ В этой связи весьма существенны соображения, высказанные Фрэнсисом Фукуяма, консультантом Рэнд-корпорейшн (США): «Попытки определить "объективный" национальный интерес ни к чему не приведут. Реальные "базовые" национальные интересы, безусловно, существуют, однако они обычно минимальны и не являются решающими при определении государственной внешней политики. Государства обладают значительным запасом свободы в определении своего националь-

ного интереса, и то, что сейчас подразумевается под понятием "национальный интерес", в действительности скрывает массу идеологических, политических, исторических и культурных точек зрения относительно целей государства, внешнего окружения и т. д. Таким образом, когда говорят, что Россия или какая-либо другая страна должна следовать ее национальному интересу, вопрос о том, что это за интерес, остается» (см.: *Фукуяма Ф.* Неясность «национального интереса» // *Независимая газ.* 1992. 16 окт.).

⁷ Известный политолог Л. Шевцова констатирует: «Нынешние темные и запутанные закоулки власти слишком удобны для того, чтобы уже попавшие вовнутрь могли спокойно заниматься собственными делами» (см.: *Муки безвластия* // *Известия.* 1992. 3 нояб.). На социологическом языке это называется быстрым процессом окостенения бюрократических интересов.